

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-3-32-50

В.Я. ЛинковМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Эволюция героя русского романа XIX века

Аннотация. В статье просматривается связь между героями русского романа XIX в., от «Евгения Онегина» до «Братьев Карамазовых». Автор полагает, что все они являются носителями мировоззрений в отличие от героев западноевропейского романа, представляющих общественные и сословные нравы. По мнению автора, цель, определившую эволюцию русской художественной мысли, поставил Пушкин, создав образ «лишнего человека» – разочарованного индивидуалиста. Все русские романисты последующих периодов, от Гончарова до Л. Толстого, были заняты поиском оптимистического мировоззрения, устанавливающего связь человека со всеобщим. Первый шаг был сделан Гончаровым. С «Обыкновенной истории» начался ряд романов, в мире героев которых высшей ценностью был признан прогресс. В служении ему герои обретали смысл жизни и свое место в обществе. В статье утверждается, что русская литература единственная в мире исследовала весь диапазон идей преобразования современного и построения будущего общества. В советской науке почти все русские романисты представлялись в той или иной степени сторонниками революционной идеологии. В действительности апологетов революции было гораздо меньше, чем ее критиков. Гончаров изобразил нигилиста Волохова в «Обрыве» сатирически. Герой последнего романа Тургенева Нежданов, разочаровавшись в идее революции, кончает жизнь самоубийством. С точки зрения автора, наиболее глубокой и последовательной критике было подвергнуто служение прогрессу в качестве жизненного идеала Толстым и Достоевским. В художественном мире обоих писателей высшей ценностью было признано бессмертие, обретаемое в религиозной вере. Романы Достоевского и Толстого были высшим достижением XIX в. На этом закончилась эпоха героя мировоззрения. А писатели следующего поколения, Чехов, Бунин и другие, не продолжили их традицию, сосредоточившись на исследовании «общего чувства жизни».

Ключевые слова: герой мировоззрения, «лишний человек», сверхличная ценность, отношение к революции героя русской литературы XIX в., нигилисты, религиозные герои русского романа, философско-религиозный роман

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Линков В.Я. Эволюция героя русского романа XIX века // Литература в школе. 2022. № 3. С. 32–50. DOI: 10.31862/0130-3414-2022-3-32-50

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-3-32-50

V. Ya. Linkov

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Evolution of the hero of the XIXth century Russian novel

Abstract. The article examines the connection between the heroes of the Russian novel of the XIXth cent., from “Eugene Onegin” to “The Brothers Karamazov”. The author believes that all of them are bearers of worldviews unlike the heroes of the Western European novel who represent social and class mores. According to the author, Pushkin set the goal that determined the evolution of the Russian artistic thought by creating the image of the so called “superfluous man” – a disappointed individualist. All Russian novelists of the subsequent periods from Goncharov to L. Tolstoy were busy searching for an optimistic worldview that establishes a connection between the man and the universal. The first step was taken by Goncharov. A number of novels began with “The Same old story”, in the world of heroes of which progress was recognized as the highest value. In serving it, the heroes found the meaning of life and their place in society. The article claims that the Russian literature is the only one in the world that has explored the entire range of ideas for transforming modern and building a future society. In the Soviet science, almost all Russian novelists were represented, to one degree or another, as supporters of the revolutionary ideology. In fact, there were far fewer apologists for the revolution than there were critics of it. Goncharov portrayed the nihilist Volokhov in “The Cliff” satirically. The hero of Turgenev’s last novel Neжданov, disappointed in the idea of revolution, commits suicide. From the author’s point of view, the service to progress as a life ideal was subjected to the deepest and most consistent criticism by Tolstoy and Dostoevsky. In the artistic world of both writers, immortality gained in religious faith was recognized as the highest value. The novels of Dostoevsky and Tolstoy were the highest achievement of the XIXth century. This ended the era of the hero of the worldview. And the writers of the next generation, Chekhov, Bunin and others, did not continue their tradition, focusing on the study of the “common sense of life”.

Key words: a hero of the worldview, “superfluous man”, superpersonal value, the XIXth century literature hero’s attitude to a revolution, nihilists, religious heroes of a Russian novel, a philosophical and religious novel

CITATION: Linkov V.Ya. Evolvement of the hero of the XIXth century Russian novel. *Literature at School*. 2022. No. 3. Pp. 32–50. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2022-3-32-50

Русский реалистический роман, как известно, начался с изображения героя, получившего имя «лишнего человека», разочарованного, равнодушного к жизни эгоиста, который в конце концов к «жизни вовсе охладел». Он стал отправным пунктом на пути, по которому пошел русский роман XIX в., поскольку в нем была поставлена проблема, на решение которой и были направлены усилия Гончарова, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чернышевского, Лескова.

Главным стимулом и движущей силой для них стал поиск той сверхличной ценности, которой были лишены Онегин, Печорин и герои «Мертвых душ» и которые были бы способны придать смысл жизни личности и создать ее единство с обществом. Можно сказать, что Пушкиным, Лермонтовым была представлена первая ступень неверия, безбожия, нигилизма. Ни у Пушкина, ни у Гоголя, ни тем более у Лермонтова нет современных героев с акцентированным оптимистическим мировоззрением. Таких героев они находили только в прошлом: Гоголь – в «Тарасе Бульбе», Пушкин – в «Капитанской дочке», Лермонтов – в «Песне про купца Калашникова».

Что общего у этих трех героев, живших в разные эпохи: казака XV в., купца XVI в., жившего при Иване Грозном, и офицера-дворянина XVIII в., времени правления Екатерины II? Они созданы тремя гениями русской литературы в 30-е гг.

XIX в. и очевидно отвечали на коренную, глубинную духовную потребность современности. Тарасу Бульбе и всем казакам Запорожской Сечи смысл их частной, личной жизни придает служение вере и Отечеству. Гринев служит государству и его главе – императрице. Собственно, весь роман построен как цепь поступков героя, открывающих его неизменную верность кодексу чести дворянина и воинской присяге. Калашников жил «по закону Господнему», и о верности ему героя во всех случаях и проявлениях жизни – от повседневного быта до защиты чести жены в открытом поединке и признания царю в своем нарушении правил кулачного боя – рассказывается в поэме.

Пушкин, Лермонтов и Гоголь выразили идеал состояния общества и гармонию в отношениях с ним личности через связь со сверхличной ценностью, на чем и основан жизнеутверждающий пафос всех трех произведений.

Именно поэтому этим героям неизвестно то, что стало «отличительными чертами молодежи 19-го века» – «равнодушие к жизни и к ее наслаждениям», «преждевременная старость души» [9, т. 9, с. 52]. Живое ощущение человеком своей сопричастности к всеобщему – обязательное условие оптимистического мировоззрения: ни Тарас Бульба, ни Гринев, ни Калашников не знают скуки, они живут полнокровной, наполненной жизнью, но они люди все же героических эпох и поступают героически.

Современность же представляет собой прозаическую действительность, согласно известному определению Гегеля, когда общие правила и законы воспринимаются как внешние принуждающие начала, а не как требования внутреннего духа личности. Идеалы и нравы среды потеряли силу влияния, и человек лишился связи со сверхличным началом, что отражено Пушкиным, Гоголем и Лермонтовым.

Разрыв со средой, выпадение из общего бытия становится решающей, определяющей чертой ведущего, знакового литературного героя эпохи. «Лишний человек» – ее символ. Эгоистический принцип жизни, пожалуй, у Печорина проявился особенно отчетливо. Он не признает никаких общих норм поведения. Он, офицер христианского, цивилизованного государства, увозит без ее согласия девушку, по сути, крадет ее. На упрек Максима Максимыча, что нехорошо это, следует классический ответ эгоиста в виде вопроса: «Да когда она мне нравится?» [6, с. 25]. Герой признает только свое субъективное «нравится», «не нравится», «хочу», «не хочу». Общих критериев оценки своих поступков для него не существует.

Онегин, Печорин – сознательные эгоисты. Герои Гоголя, «мертвые души», – непосредственные, бессознательные. Но ни отдельный человек, ни общество не могут существовать без идеи религиозной, социальной, основанной на признании высшей ценности, придающей смысл человеческой жизни. Гоголь предпринял титанические усилия для создания положительного героя, по ним можно судить о настоящей потребности общества в духовных руководящих началах, отвечающих современно-

сти. Его попытка закончилась трагически: дважды сжигал он второй том своей эпической поэмы. Он, проживший дольше Пушкина и Лермонтова, ближе их подошел к решению задачи, но не смог добиться успеха по ряду причин, о которых не место здесь говорить.

Принципиально новое слово было сказано Гончаровым в «Обыкновенной истории», он сделал шаг вперед в интересующем нас направлении. Его герой – с акцентированным, определенным мировоззрением, о котором говорится не мимоходом, не намеками, не косвенно, а прямо и подробно. Мировоззрение раскрывается и во внутренних монологах, и в диалогах героев, и в комментариях автора, оно становится предметом публичного обсуждения. Роман строится, исходя из цели – оценки мировоззрения героев. Любовь, дружба, досуг, служба – все, о чем повествуется в романе, служит этой цели. То, что Пушкин дал в сжатой, лаконичной форме и что было развито Лермонтовым в его романе, у Гончарова приняло ясно и полно очерченный образ центрального героя русского реалистического романа – героя мировоззрения. От Онегина до героев Гончарова и Тургенева мы видим, как все более явно проявляется природа и статус такого героя.

О взглядах Онегина мы узнаем косвенно по книгам, которые он предпочитал, по близости ему романов, «где отразился век и современный человек изображен довольно верно» [9, т. 4, с. 127]. Печорин уже формулирует свои убеждения, делает их объектом рефлексии. Взгляды героев Гончарова не только осознаются их носителем, но уже обсуждаются другими героями, происходит прямое столкновение

разных точек зрения на жизнь, дружбу, любовь, брак, службу, как бы заполняя почти все пространство романа.

Начиная с 1850-х и до 1880-х гг. важнейшими элементами композиции в русском романе становятся споры, дискуссии, идейные диалоги – атрибуты общественной идейной жизни. Полемиические сражения героев Тургенева, Рудина, Базарова, героев «Дыма» о судьбах России памятли нам так же, как особым образом построенная полемика героев в «Преступлении и наказании» и «Братьях Карамазовых», в «Войне и мире». Гончаровым сделана попытка найти современное оптимистическое мировоззрение, и в конце концов в романе из меняющегося соотношения убеждений племянника и дяди Адуевых такое мировоззрение возникает. Это мировоззрение, в котором отвергнуты крайности «романизма» и «практицизма». В его основе лежит не патриотизм, а идея прогресса, и потому оно носит не национальный частный, а универсальный характер, каким будут отличаться искания героев в последующих русских романах, в особенности – Достоевского, чьи герои ищут истину перед лицом всего человечества (В.В. Кожин) и для всего человечества.

Основной ценностью, главным средством достижения всеобщего счастья на земле признается прогресс, и прежде всего социальный. Вера в него стала своего рода религией XIX и XX вв. Идея социального прогресса, эта религия нового времени, обладала невиданной доселе силой воздействия и влияния сначала на образованную часть общества, а затем на миллионы людей во всем мире, для обозначения которых и появилось слово «масса». Это умонастрое-

ние, охватившее весь мир и преобразившее его, нашло свое выражение в ясных и четких афоризмах, в истинности которых никто не смел сомневаться, а тех, кто все же не признавал их правоту, просто никто не слушал.

«Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [8, с. 4]. Разумеется, сейчас же возникает вопрос, как «изменять» мир, не зная достоверно, какой он: ведь философы объясняли его по-разному. Идею переделки мира «по новому штату» в ее крайней и наиболее популярной и влиятельной модификации у нас сформулировал В.Г. Белинский: «Человек рождается не на зло, а на добро, не на преступления, а на разумно законное наслаждение благами бытия... Зло скрывается не в человеке, но в обществе» [1, с. 529–530]. Эту идею зла сейчас и не вспоминают, когда пытаются разобраться в нашем недавнем прошлом. Поскольку все зло, т.е. все, что приносит человеку страдания (все беды, пороки, преступления), имеют один единственный источник – неразумно устроенное общество, то очевидно, что главной и единственной целью современного человечества становится построение нового общества на разумных, научных, т.е. совершенно бесспорных, началах. Именно эту мысль и выразил Белинский: «Социальность, социальность – или смерть! Вот девиз мой» [2, с. 173]. Он пишет «мой», но это убеждение стало девизом для миллионов эпохи революций и двух мировых войн, закончившейся распадом СССР и исчезновением идеологического противостояния капитализма и социализма. Поразительный факт: русская литература единственная в мире исследовала весь диапазон

идей социального прогресса с разными оттенками, от умеренно либеральных до крайне революционных, включая и анархизм, и дала им оценку.

В общественном сознании во многом под влиянием социалистической пропаганды сложилось прочное убеждение (хотя правильнее будет сказать – предубеждение), что чуть ли не все русские писатели были сторонниками насильственных средств достижения идеального общественного строя. Нередко можно даже услышать, что русская литература ответственна за все жертвы и преступления, совершенные во имя счастья всего человечества во время революции и гражданской войны в России. Мнение это основано не на фактах, а на туманном общем представлении; это плод не анализа и размышления, а плохо осознанных эмоций. Приведу очень характерное мнение русского писателя-эмигранта А. Яблоновского: «Ни для кого не тайна, что русское общество целых сто лет жило под властью революционных иллюзий». С этим можно согласиться, но вот то, что идет дальше, никак нельзя признать истиной: «наша литература стояла перед революцией на коленях» [10, с. 596]. Это совершенно неверно. В русской литературе было не больше трех значительных писателей, которых можно занести в список сторонников и глашатаев революции: Некрасов, Чернышевский, Салтыков-Щедрин. Ряд же тех, кто критиковал революционные идеи и боролся с ними, гораздо длиннее: Гончаров, Тургенев, Достоевский, Л. Толстой, Лесков, Писемский.

Правда в том, что, действительно, русские писатели создали множество образов нигилистов и революционеров, и это отличало нашу литерату-

ру от других национальных литератур в Европе. Ничего подобного, даже приблизительно, нет ни во французском, ни в английском романе, составлявших вместе с русским романом вершину мировой литературы XIX в.

У основателя этой галереи портретов Тургенева: Рудин, Инсаров, Базаров, Потугин и его кружок в «Дыме», Нежданов и его единоверцы в «Нови»; у Гончарова – Волохов; у Чернышевского – Лопухов, Кирсанов, Рахметов; у Достоевского – герои «Бесов», П. Верховенский и его кружок; Лесков создал немало замечательных образов нигилистов в «Некуда», «На ножах»; целый ряд революционеров выведен Л. Толстым в «Воскресении»; герой-революционер представлен в «Рассказе неизвестного человека» Чехова. Можно вспомнить также героев антинигилистического романа писателей второго ряда: Писемского, Крестовского, Авенариуса и др.

Думаю, что революционеров и нигилистов в нашей литературе наберется несколько десятков, и, кажется, никто еще ничего не написал о них, к примеру, в работе на тему «Образ революционера (или нигилиста) в русском романе XIX века».

Даже беглого взгляда на перечень героев достаточно, чтобы убедиться, что русские писатели относились к революционным идеям по-разному, но все же в большинстве – резко критически, о чем свидетельствуют уже названия их романов: «Обрыв», «Дым», «Некуда», «На ножах», «Бесы». Какое уж тут преклонение!

Правда, роман, где революционеры возведены в ранг людей, составляющих соль земли, надежду всего человечества, а один из них представлен едва ли ни мессией, «Что делать?» Чернышевского, по своей популярности

чуть ли не затмил и «Войну и мир», и «Братьев Карамазовых». Но здесь уже дело не в русской литературе, а в русском обществе. И если говорить об ответственности за чудовищные человеческие жертвы революции и гражданской войны, то виноватыми окажутся все, но русская литература меньше всех.

Конечно, Рудина Тургенев рисовал с симпатией, хотя и не без иронии. Инсаров, по сути, патриот, борющийся за освобождение Родины, и потому представлен с полным одобрением. Но уже в Базарове открывается глубокое противоречие между личностью и идеей служения общественному благу. В «Дыме» революционно настроенные герои изображены сатирически, почти гротескно.

Нежданов, герой последнего романа Тургенева «Новь», «хроникера общественного движения», приходит к полному и глубокому разочарованию в идее революции и кончает жизнь самоубийством, как бы предсказанным в написанном им ранее стихотворении:

Милый друг, когда я буду
Умирать – вот мой приказ.
Всех моих писаний грудю
Истреби ты в тот же час!

[12, с. 202]

Прочитав их, герой «сам удивился тому, что у него вышло из-под пера» и задается вопросом: «этот скептицизм, это равнодушие, это легкомысленное неверие – как согласовать все это с его принципами?» [Там же, с. 203]. «Скептицизм, равнодушие, безверие» – слова, которыми можно охарактеризовать Онегина, Печорина, светских щеголей, «лишних» людей, но не революционера, посвятившего свою жизнь

служению общему благу. Нежданов обнаруживает под маской общественного энтузиазма пустоту. После длинного пути от разочарования «лишних людей», индивидуалистов герой тургеневского романа приходит как будто к исходной точке, с которой началось развитие русского романа. Выяснилось, что и служение обществу может оказаться ложной верой. Вера в «социальность», которой Белинский не видел альтернативы, оказалась тем же безверием, со временем охватившим массы. И те катастрофы, и преступления, что были совершены ради установления рая на земле, были во многом predetermined роковым изъяном идеологии социального прогресса, о чем прозорливо предупреждала русская литература. Тургенев рисовал образ Нежданова с сочувствием, показав трагедию человека, обманутого внешне привлекательной и благородной идеей революции.

Гончаров изобразил революционера-нигилиста Волохова, хотя и не без положительных черт, но в основном сатирически, за что был обвинен в клевете на молодое поколение и единодушно предан анафеме всей демократической печатью. Революционеры у Достоевского одержимы бесами. В «Воскресении» Л. Толстой представил различные типы борцов за лучшее будущее, от наивных, искренне верящих в общее дело до расчетливых карьеристов, любящих только власть.

Выше мы привели названия романов, говорящих об отношении их авторов к революции. Но полемика с ходовыми идеями прогресса самого широкого диапазона велась в русской литературе не только в тех романах, где присутствовали революционеры, но и там, где их не было,

и где критике подвергались метафизические основы, вообще не вызывавшие сомнения у современников.

В «Войне и мире», «Записках из подполья», «Преступлении и наказании», «Братьях Карамазовых» были поставлены глубокие философские проблемы, захватившие важнейшие сферы жизни и ставшие актуальными в философии конца XIX и первой половины XX в. Прежде всего Л. Толстой и Достоевский усомнились в возможности человека создать безошибочную и якобы научную теорию, руководствуясь которой можно построить совершенное общество, лишенное каких-либо недостатков, в котором будут жить люди без всяких пороков.

Эту проблему сами теоретики и их сторонники, разумеется, не рассматривали, так как верили слепо в свои построения. Так, Чернышевский, чьи взгляды были главным объектом критики Л. Толстого и Достоевского, верил неколебимо, а значит, и фанатично в современные общественные теории, признавая их строго научными; он был убежден, что наука уже способна дать точную теорию нравственности, следуя которой человек безусловно обретет счастье и полную гармонию с миром.

Надо заметить, что в наше время этот взгляд считается несомненным предрассудком, и до сих пор никем, несмотря на многочисленные попытки, научной этики создано не было.

Чернышевский полтора века назад утверждал, что герои его романа «Что делать?» уже обладали этической научной теорией: «Лопухов находил, что его теория дает *безошибочные* средства к анализу движений человеческого сердца. И я согласен с ним в этом: <...> она ни *разу* не ввела меня

в ошибку и ни *разу* (здесь и далее курсив наш. – В.Л.) не отказалась открыть мне правду, как бы глубоко ни была затаена правда какого-нибудь человеческого дела» [15, с. 178]. В этой цитате из романа с полной ясностью открывается фанатичная и столь же фантастическая вера в теорию с ее очевидной несостоятельностью.

Повседневный опыт каждого неоспоримо свидетельствует о постоянных ошибках не только в понимании другого, но даже самого себя. Не только чужая душа, но и собственная – потемки, о чем писал Достоевский. Если бы действительно была создана такая безошибочная теория, не было бы нужды ни в науке психологии, ни в педагогике. Следователи раскрывали бы 100% преступлений, суд никогда бы не наказывал невинных и не оправдывал преступников, политики никогда бы не лгали. Теперь, опираясь на признание Чернышевского, мы можем сказать, что такое «рационализм» и почему с ним так настойчиво боролись Л. Толстой и Достоевский.

По сути неразумная, не критичная, слепая вера во всемогущество общественных теорий и есть то, что получило имя «рационализма». Какое он имеет к нам отношение? Самое прямое, и его влияние на судьбы страны таково, что с ним ничто не может сравниться. По такой теории делали революцию и строили социализм в нашей стране. В основе лежит убеждение в ее непогрешимости, которое вождь русской революции заимствовал у Чернышевского, любимого своего писателя, и укрепил у Маркса, чьим учеником и последователем считал себя: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно» [5, с. 43]. Мысль Ленина

неверна, потому что «всесильных», то есть решающих все проблемы «теорий» не существует. Теория Маркса по своей претензии на непогрешимость, на «всесильность» и, что очень важно, по своей наукообразности, наличию терминологии, математических выкладок, богатству исторического материала, использованию великих философских систем, прежде всего Гегеля, намного превосходит теорию Чернышевского и вообще все теории и учения, когда-либо провозглашавшиеся на Земле. К. Маркс «превзошел всех по своему влиянию на массу» [16, с. 140]. Его учение захватило и подчинило миллионы и стало материальной силой, определившей ход истории.

Критикуя «рационализм», писатели выступали не против разума, а против неразумной, ошибочной концепции разума. Как Л. Толстой спорил с Чернышевским, в чем он видел слабости и ошибки его учения, в чем состояли его доводы, справедливые не только в отношении идей «Что делать?», но и применительно ко всем учениям, известным под именем «рационализм», включая и марксизм? В «Войне и мире» читаем: «Если допустить, что жизнь человеческая может управляться разумом, – то уничтожится возможность жизни» [11, с. 249]. Это прямо направлено против Чернышевского, но верно и как критика всех других вариантов построения лучшего будущего в согласии с научной теорией.

Во-первых, Толстой замечает, что сам разум далеко не свободен и его выводы в жизни зависят от многих факторов, но в особенности от человеческих страстей: любви, ненависти, зависти, уважения, презрения и т.д. Во-вторых, писатель обраща-

ет внимание на наличие и значение в частной, личной и общей, исторической жизни народов не разумных факторов и сил, под воздействием которых совершаются и поступки отдельных лиц, и коллективные действия общественных групп и народов. «Не разумных» не в смысле «противоречащих разуму», а в смысле «вне разума», то есть других, когда человек поступает, не прибегая к мышлению, не на основе умозаключений. Пожалуй, под «разумом» Толстой понимает «теорию» и, в сущности, утверждает вряд ли оспоримую мысль: человек в жизни руководствуется не теориями, а чувствами, интуицией, опытом, традицией, тактом, авторитетом.

Любимая героиня Толстого Наташа Ростова «не удостоивает быть умною». Это значит, что она обладает некоей способностью непосредственного понимания чувств других людей, ситуации, она обладает тактом, что позволяет ей поступать правильно: она танцует так, как надо в доме своего дядюшки, понимает Пьера, решает отдать подводы раненым. «Дурачок», по словам Пьера, Каратаев научил его, образованного интеллектуала, мудрости, которая спасла его от разочарования в жизни и отчаяния. Не только в личных отношениях в быту, в повседневности, но и в общей исторической жизни способность непосредственного понимания, совершенно не принимавшаяся в расчет «рационализмом», по сути, признававшим только теоретическое знание, нередко является решающим фактором.

Кутузов находил верные решения как полководец, которые привели к победе над Наполеоном, исходя не из теории. Он лучше, яснее постигал сущность происходящих событий,

чем большинство его окружения. Что давало ему эту способность? «Источник этой необычайной силы прозрения в смысл совершающихся явлений лежал в том народном чувстве, которое он носил в себе во всей чистоте и силе его» [11, с. 197].

«Сила прозрения» «в смысл» – то есть интеллектуальная способность, которую идейное течение, присвоившее себе право владеть и говорить от имени разума, не понимало, в чем и было его ограничение и измена разуму.

Нам вполне естественно восхититься каким-либо неожиданным и искусным маневром, придуманным полководцем, как оригинальным ходом в шахматной партии. Но оценить мудрость Кутузова нам чаще всего бывает не под силу. К высокой оценке полководца Толстым мы относимся с тайным недоверием, его пафос представляется нам риторическим. Да, конечно, фраза красивая, но смысла в ней немного, и он банален.

Известный немецкий философ XX в. Гадамер, отстаивая особую способность непосредственного понимания, по сути, продолжает работу Л. Толстого, начатую веком раньше, и за поддержкой обращается к «Воине и миру», вспоминая «знаменитое толстовское описание военного совета» [3, с. 436]. Как известно, Кутузов дремлет, не придавая никакого значения обсуждению плана будущего сражения, потому что «ближе к подлинной действительности, чем стратегии на его военном совете» [Там же].

Есть разные пути познания; теоретический – лишь один из них, и тот, кто этого не признает, впадает в ошибку. Вот в чем правда и сила критики Л. Толстым и Достоевским рационализма.

Помимо всего есть такая область человеческого бытия, в которой теория не имеет решающего значения. Для Толстого она была важнейшей, основной. Речь идет о смысле жизни. В том, как и что находят герои (с одной стороны, герои Чернышевского – крайнего, радикального рационалиста, а с другой – герои Л. Толстого и Достоевского), открываются два различных мировоззрения.

Как обретают жизненную, изменяющую их истину герои Чернышевского и Л. Толстого?

Герои «Что делать?» находят ее в «умных книгах». Рахметов более трех суток читал книги, купленные им на Невском в немецком или французском магазине. По-своему замечательный рассказ о том, как герой читал, стоит процитировать: «...с 11 часов утра четверга до 9 часов вечера воскресенья, 82 часа: первые две ночи не спал так, на третью выпил восемь стаканов крепчайшего кофе, до четвертой ночи не хватило силы ни с каким кофе, он повалился и проспал на полу 15 часов» [15, с. 201].

Видимо, педантичная фиксация дней недели и времени суток, и главное – гиперболизм количества часов чтения без сна (82 часа), стаканов кофе (8) должны выразить значительность и важность происходящего, но боюсь, что эффект возникает, скорее, комический. И это еще один довод против рассудочного рационализма: с помощью чисто разумных средств – чисел – невозможно выразить то, что относится к эмоциональной сфере, жизни души человека.

Путь к истине героев Толстого совсем иной и несравненно сложнее и труднее, но выглядит при этом значительно правдоподобней. Их учат не книги, а природа: распутивший

листья дуб, небо над Аустерлицем, далекая светлая звезда и их личный жизненный опыт: смерть близких, рождение ребенка и самое главное – страх собственной смерти.

Пьер не нашел душевного равновесия ни в чем, в конце концов и в религиозном учении масонов: «все эти искания и попытки обманули его». «И он сам, не думая о том, получил это успокоение и это согласие с самим собой только через ужас смерти и через то, что он понял в Каратаеве» [11, с. 105]. Через Каратаева, который всегда чувствовал себя частью целого, видимо, Пьер узнал это чувство и тем преодолел страх смерти.

Ужас смерти, а не «умные книги» – вот главный учитель человека у Толстого. Самое страшное, кажется, непереносимое для человека и дает ему высшую мудрость, поскольку, что может быть в конце выше того, что преодолевает смерть?

Изображение противоречия человека с обществом, действительно, как мы говорили выше, было характерно для реализма XIX в. Оно настолько стало привычным, что воспринимается как совершенно обязательное для любого романа. Вспомним центральных героев русского романа – Онегина, Печорина, Обломова, Рудина, Базарова, Нежданова. Все они, независимо от того, есть у них оптимистическая идея жизни или нет, чувствуют несоответствие своей среде, не принимают безусловно или частично ее нормы.

Но герои «Войны и мира» не входят в этот ряд. Пьер обретает гармонию со всем Универсумом, которая не может быть превзойдена – она абсолютная и превосходит самые смелые фантазии социальных утопий, в том числе и самой популяр-

ной в XIX в. – социализма, как якобы научно прогнозируемого. И что самое замечательное, несмотря на абсолютный характер, гармония героя Толстого все же выглядит более правдоподобной, более реалистичной, чем обещанная в будущем, основанная на социальном совершенном строе, потому что Толстой не просто сказал об этой гармонии, обещая ее возможность в будущем, а передал ее в чувстве, то есть представил совершенно реальной как факт и достижимой для человека – здесь и сейчас.

Что в какой-то момент Пьер пережил в плену? Чувство бессмертия своей души, которое основано на реальном переживании особого отношения с Универсумом. На переправе Пьер *говорил* князю Андрею, что надо верить, что «жили и будем жить вечно», а в плену он не просто *узнал*, не только поверил, а *испытал чувство* бессмертия своей души. Там были слова, а здесь сама реальность, дающая ему гармонию со всем Универсумом. То, что произошло в его сознании, изменило мир вокруг для него: «Леса и поля, невидные прежде вне расположения лагеря, открывались теперь вдали. И еще дальше этих лесов, полей виднелась светлая, колеблющаяся, зовущая в себя бесконечная даль. Пьер взглянул в небо, вглубь уходящих играющих звезд. “И все это мое, и все это во мне, и все это я!”» [Там же, с. 115].

Чувства счастья и несчастья, кажется, всегда связаны с двумя противоположными ощущениями мира, в счастье – мир мой, в несчастье – чужой, враждебный, страшный; и в том и другом случае чувства как бы исходят от мира. «И все это мое. И все это во мне. И все это я» – три чувства, три ступени восхождения. Первое

знакомо, видимо, каждому человеку, оно посещает нас в радости и счастье. Но высшее – «все это я» – редчайшее переживание, доступное только мистикам, когда исчезает различие субъекта и объекта и возникает высшая степень единства радости и блаженства. Как ни редко это чувство и хотя оно мало кому доступно, оно все же имеет отношение к каждому, поскольку есть по своей природе то же самое чувство, которое мы знаем, ощущая свою связь с семьей, друзьями, обществом, народом, страной, природой.

Часто можно услышать: «Война и мир» – светлое произведение. Это устойчивое выражение и потому, видимо, неслучайное. Но откуда исходит свет, освещающий всю картину мира и жизни человека в книге Толстого? Ее источник в победе над смертью, в возможности высшей гармонии человека («и все это я») через связь с бесконечностью. «Война и мир» – произведение, герои которого стремятся к бессмертию, а лучшие обретают его через ощущение своего единства с Универсумом, через чувство причастности к бесконечности.

С точки зрения Толстого, ощущение связи с бесконечностью вовсе не роскошь, а самая насущная необходимость для человека, без нее не может быть нормальной жизни, что очевидно из существования религий. Немало было народов, у которых не было науки, философии, но народа без религии не было на земле нигде и никогда. По определению Толстого, религия – это учение, которое устанавливает связь человека с бесконечностью.

Попытки найти замену религии современным человеком, не признававшим Бога, в идее социального слу-

жения приводят, по мнению автора «Войны и мира», к разочарованию, как это было с князем Андреем.

Правоту Толстого подтверждает и опыт русского романа. Идеи прогресса, придававшие смысл жизни Рудина, Базарова, не смогли спасти их от разочарования, а Нежданова от отчаяния. Стоит отметить, что образы положительных героев, смысл жизни которых был основан на вере в прогресс – Штольца («Обломов»), Кирсанова, Лопухова, Рахметова («Что делать?»), вызывали справедливую критику за схематизм, надуманность. А вот за таких, казалось бы, далеких от действительности героев, испытавших редкие, мистические чувства, как Пьер, князь Андрей, отец Сергей у Толстого; Зосима, князь Мышкин, Алеша Карамазов у Достоевского, никто не упрекал их создателей в нарушении правды жизни.

У Достоевского мы находим ту же логику, тот же ход мысли, что и у Толстого, то же понимание человека и его места в мире. И ту же точку отталкивания, и полемику с идеями социального переустройства мира, с рационализмом, с идеями революции и социализма, причем более последовательно и страстно (порой пристрастно), чем у Толстого.

«Записки из подполья» общепринято считать своего рода философским конспектом последних пяти романов, принесших Достоевскому мировую славу, созданных им в последние четырнадцать лет жизни. Стержень повести образует полемика с Чернышевским: Достоевский не принимает идеал нового, совершенного устройства общества не потому, что он утопичен, а потому что человека он не может удовлетворить. В «Записках из подполья»

читаем прямой выпад против Чернышевского, против его некритической веры в разум. «О, скажите, кто это первый объявил, кто первый провозгласил, что человек потому только делает пакости, что не знает настоящих своих интересов» [4, т. 5, с. 110].

В России «это первый объявил» Чернышевский. Достоевский утверждает, что в своих расчетах теоретики счастливого будущего совершают ошибку в предпосылке, обладающей для них статусом аксиомы: они предлагают свои проекты построения будущего общества, исходя из убеждения, что самая главная выгода для человека, цель всей жизни – благоденствие, «экономическое довольство».

«Не ошибается ли разум-то в выгодах? Ведь, может быть, человек любит не одно благоденствие?» [Там же, с. 119]. Дальше герой говорит о том, что человек «иногда любит» и страдание, что породило убеждение о любви Достоевского к страданию и чуть ли не защиты его. Но ведь герой также заявляет: «Я ведь тут собственно не за страдание стою, да и не за благоденствие» [Там же]. Это фраза все объясняет и ставит на свои места: целью жизни не может быть ни страдание, ни благоденствие; есть высшая ценность, ради которой человек может пойти и на страдание и пренебречь благоденствием, и это настолько очевидно, что не требует доказательств. Что же это за ценность, цель, выше которой у человека ничего нет? Ответственный момент! И, разумеется, опять – слово герою, которое, без сомнения, выражает мысль Достоевского. Почему герой стоит даже за каприз? Потому что каприз «во всяком случае, сохраняет нам самое главное и самое дорогое,

то есть нашу личность и нашу индивидуальность» [4, т. 5, с. 110].

На основе этих слов одни критики по недомыслию, другие злонамеренно обвиняли автора в индивидуализме. Невозможно сочинить ничего более нелепого. «Личность» у Достоевского означает не отдельную человеческую особь, а определенную ступень духовного развития человека, измеряемого степенью свободы. Самое дорогое для человека – быть личностью, для чего нужно быть свободным. Ведь для Достоевского абсолютно прекрасной личностью был Иисус Христос, давший человеку пример высшей свободы, свободно пожертвовав собой ради любви к человечеству. Это такой «коллективизм», который и не снился ни одному теоретику социального блага.

И совершенно невпадал из «Записок» делают вывод о враждебности Достоевского разуму, о якобы непризнании им его силы и пользы. Подпольный герой обращается к себе как ко второму лицу, то есть говорит о себе: «хоть ум у вас и работает, но сердце ваше развратом помрачено, а без чистого сердца – полного правильного сознания не будет» [Там же, с. 122]. Странно было бы, если бы Достоевский, отрицая значение разума («сознания»), давал совет, что нужно, чтобы он работал «правильно»! Человеку не позволяет ясно мыслить «помрачение» сердца.

В стремлении понять жизнь, найти свое место в мире человек мыслит не только разумом, но всем своим существом. Для того «чтобы умно поступать – одного ума мало» [Там же, с. 180]. Достоевский не сказал «ум не нужен», а сказал, что его недостаточно, помимо «ума» еще нужно что-то другое. Как и Толстой,

Достоевский боролся не с разумом, а с узким и, по сути, ошибочным пониманием разума, так называемым «рационализмом».

Достоевский, как и Толстой, не был отвлеченным мыслителем, его беспокоило не философское направление рационализма само по себе, а его приложение к действительности. Рационалистическая идея переделки мира, захватившая весь мир, неразумная с точки зрения писателя, грозила катастрофой в будущем человечеству.

Достоевский пытался предупредить об опасности превращения веры в теорию, так точно выраженной К. Марксом в приведенной выше цитате. Теория как таковая, выдающая себя за научную, и стала главным объектом критики в «Записках из подполья». Если Толстой в «Войне и мире» главным образом сосредоточился на показе внеразумных начал в частной жизни человека и истории, то Достоевский стремился убедить современников в опасности слепого доверия теориям, в силу их совершенно необоснованной претензии на ранг научности. «Молодежь... уродуется в теориях» [4, т. 6, с. 370]. Совершенно новая и замечательно верная мысль о том, что теория может в силу своего противоречия природе человека, здравому смыслу изуродовать его – такова ее сила, основанная на авторитете науки, от имени которой она провозглашает свои «истины». Возможно, Достоевский был первооткрывателем нового духовного феномена в истории, когда под видом научных предлагались недоказанные и непроверенные опытом истины, названные писателем «полунаукой».

«Полунаука, самый страшный бич человечества, хуже мора, голода

и войны, не известный до нынешнего столетия. Полунаука – это деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда. Деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, перед которым все преклонилось с любовью и суеверием, до сих пор немыслимым, перед которым трепещет даже сама наука и постыдно потакает ему» [Там же, т. 10, с. 199]. Эти слова принадлежат герою «Бесов», но, несомненно, и самому Достоевскому.

Конкретизировать и прояснить понятие «полунауки» мы можем, обратившись к «Запискам из подполья»: «Уж как докажут тебе, что, в сущности, одна капелька твоего собственного жиру тебе должна быть дороже ста тысяч тебе подобных <...> так уже и принимай, нечего делать-то, потому дважды два – математика» [Там же, т. 5, с. 105].

Главное свойство, по которому можно определить «полунауку», – деспотизм. Она заставляет принимать свои положения как совершенно достоверные истины, и ее нельзя критиковать. Все попытки пересмотра марксистских идей объявлялись ревизионизмом. Настоящая наука не нуждается в запрете на критику, можете сколько вам угодно критиковать математические теории. Достоевский точно подметил эту черту полунауки: нельзя возражать, восставать, спорить. Нельзя потому, что в действительности такого закона природы не существует и то, что утверждает теория, не может считаться наукой. Перед нами чистый подлог: в виде закона природы, достоверность которого возводится до бесспорности простейших математических правил, преподносится отвлеченное идеологическое положение.

На самом деле никакие естественные науки не могут сказать, что человеку дороже: его собственная жизнь или жизнь его народа, или истина, или искусство, или честь [14]. «Преступление и наказание» было предупреждением об опасности слепого доверия к социальным теориям, рожденного деспотизмом «полунауки». Весь роман строится на противопоставлении жизни и теории. Теория Раскольникова – логически безупречна, и он не находит ни одного довода против, и все же она оказалась неверной, ошибочной, глубоким заблуждением. Так был велик, просто непререкаем авторитет полунауки, что слово Достоевского не было услышано, и он заслужил клеймо реакционного автора.

Только после того, как революция была совершена, для многих стала ясна цена «научности» марксистско-ленинской теории, для многих, но даже сейчас для не очень многих. Раньше марксизм нельзя было критиковать, а теперь немодно о нем говорить, что и оставляет учение в неприкосновенности.

Но для нас критика рационализма Толстым и Достоевским не главный предмет, мы обращаемся к ней, поскольку их отрицание (что бывает не часто) служило утверждению: из их «нет» вырастает их «да». Достоевский, как Толстой, создает особых героев, уникальных, неизвестных ранее в мировой литературе, которые находят Бога и *переживают* свою живую связь с бесконечностью. О Боге не просто сообщается, а он дан в опыте, в чувствах героев, а чувства – материя мысли; там, где их нет, там пустословие, пустые слова, одни слова.

Примечательно, что, хотя Толстой и Достоевский каждый шел

своим путем, в ключевых моментах они совершенно совпадают, поскольку они исповедовали одну религию – религию Христа и понимали, хотя не во всем, но в главном, одинаково.

Прежде всего, как князь Андрей, Пьер, отец Сергей, Нехлюдов у Толстого, так и Алеша, Дмитрий Карамазовы, Зосима у Достоевского *находят, обретают* Бога, *проходят* путь от неверия, разочарования к вере, которая преобразует их и определяет поступки, действия, жизнь в конце концов.

У Достоевского любовь к *жизни* дает энергию человеку в его трудной дороге к вечности, к Богу. Обязательное условие ее – сознание своей сопричастности к бесконечной жизни, связь с трансцендентным.

Философские разговоры – Ивана с Алешей, Алеши с Дмитрием – начинаются с признания любви к жизни. Дмитрий обращается к Алеше: «Я хотел бы начать... мою исповедь... гимном к радости Шиллера» [4, т. 14, с. 38]. Он ощущает «радость, без которой нельзя миру стоять и быть» [Там же, с. 99]. Рассказ о своей жизни Зосима начинает с истории старшего брата Маркела, умершего молодым и перед смертью завещавшего ему прежде всего любить жизнь.

Знаменателен разговор Алеши с Иваном о смысле жизни. Алеша говорит: «Я думаю, что все должны прежде всего на свете жизнь полюбить». Иван, уточняя, спрашивает, высказывая при этом совсем не то, что его брат: «Жизнь полюбить больше, чем смысл ее?» [Там же, с. 210]. Алеша, как будто не замечая ошибки, соглашается с Иваном, но оформляет свою мысль иначе: «непременно так, полюбить прежде логики, как ты говоришь». Противоречием,

не замеченным собеседниками, что вполне правдоподобно в живом общении, Достоевский своеобразно подчеркнул принципиальное различие: не «больше», а прежде смысла.

В глазах Достоевского любовь к жизни не враждебна разуму: они не исключают друг друга, а взаимодействуют и ведут человека к главной цели, открывают смысл жизни. Любовь к жизни, как говорилось выше, – это энергия, которая движет в постижении истины. Только у людей, любящих жизнь, есть шанс постичь ее высший смысл. Поэтому жизнелюбие – существенная черта образа героя у Достоевского. Карамазовы – и Дмитрий, и Иван, и Алеша, и Федор Павлович – страстные жизнелюбивые натуры, все – сладострастники. «Я спрашивал себя много раз: есть ли в мире такое отчаяние, чтобы победило во мне эту испугленную и неприличную, может быть, жажду жизни», – признавался Иван [4, т. 14, с. 97].

Им противопоставлен Смердяков, ничего и никого не любивший: ни мать, ни Родину, ни женщин (недаром у него скопческая физиономия). Его необыкновенная брезгливость, нелюдимость, невосприимчивость к поэзии, равнодушие к жизни, способствовавшая убийству, – все это черты некрофила, человека, испытывающего подсознательное влечение к смерти. В отношении к жизни пара Иван – Смердяков идентична паре Раскольников – Свидригайлов, и созвучие фамилией героев, холодных к жизни, не случайно. Ни Иван, ни Раскольников не могут убить себя, в чем видят даже свою слабость; на самом деле в этом их достоинство, а не позволяет совершить самоубийство – страстная любовь к жизни.

Речь у Достоевского идет именно о любви к жизни, а не к ее удовольствиям, благополучию или счастью. Герой «Записок из подполья» говорит: «И в горе жизнь хороша, хорошо жить на свете, даже как бы ни жить» [Там же, т. 5, с. 155].

«Много несчастий принесет тебе жизнь, – предрекает Алеше Зосима, – но ими-то и счастлив будешь» [Там же, т. 14, с. 259]. Любя жизнь, человек, естественно, стремится к победе над смертью, то есть к бессмертию, о котором знать достоверно, научно невозможно, но можно в него верить. И эта вера ничуть не противоречит разуму, поскольку имеет дело с тем, что ему недоступно. В основе веры лежит неоспоримый факт, признаваемый наукой: познание бесконечно, а, следовательно, мы никогда не узнаем всего. Человек никогда не постигнет тайны своего бытия, взамен у него есть вера в существование абсолютной истины и справедливости, олицетворенных в Боге.

Человек принадлежит не только этому земному миру, то есть познаваемому, но также тому, который, несомненно, есть, что не отрицает и наука, но им не познанный, трансцендентный. В «Записках из подполья» Достоевский обосновал эту мысль логически, в «Братьях Карамазовых», выразил ее на языке мифа: «Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и возшло все, что могло взойти; но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным; если ослабеваешь или уничтожаешься в тебе сие чувство, то умираешь и возвращенное в тебе. Тогда станешь к жизни равнодушен и даже возненавидишь ее» [Там же, с. 290].

Что означают слова «чувство соприкосновения мирам иным», если попытаться прояснить этот образ и тем самым понять, почему это чувство так нужно человеку? Прежде всего потому, что человек не может удовлетвориться «земным», иначе говоря, – временным, конечным. Человек единственное существо, в отличие от природы, знающее о своем неизбежном конце, и потому ему необходимо чувство бесконечности, и без него человечество, кажется, никогда не существовало. Оно открывает относительную ценность всего земного в жизни человека, предполагает «отрицание земли», как выразился Достоевский. Автор «Братьев Карамазовых» резко негативно отзывался о философии Гегеля, утверждавшего, что человечество познает себя в полной мере на высшей ступени развития идеалистической философии. «Отрицание необходимо, иначе человек так бы и заключился на земле, как клоп. Отрицание земли нужно, чтобы быть бесконечным <...> Один Гегель, немецкий клоп, хотел все примерить на философии» [4, т. 14, с. 112].

«Отрицание земли» означает, во-первых, относительность и неполноту всех знаний и о мире и человеке, а во-вторых, недостаточность всех земных благ: здоровья, красоты, богатства, власти, славы, что составляет вечную тему философии и поэзии. Человеку мало всего, что ему может дать земная жизнь, ему нужна вечность. Сознание своей сопричастности бесконечности не позволяет человеку «заклучиться на земле», и он становится бесконечным. Достоевский не сказал «чувствовать себя бесконечным», а выразился сильнее: «быть бесконечным».

И в его романе, как и у Толстого в «Войне и мире», герой переживает это соприкосновение, которое становится для Алеши Карамазова преображающим все его существо моментом: «Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь. <...> Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная как бы соприкасалась со звездною... <...> Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, «соприкасаясь мирам иным». <...> Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его» [Там же, с. 328].

Это кульминация духовного пути Алеши Карамазова, Безухова; она высшее духовное достижение классического русского романа XIX в. – живое ощущение, непосредственное переживание связи с бесконечностью, и она же представляет высшую человеческую мудрость. «Сознание бесконечной сущности есть не что иное, как сознание человеком бесконечности своего существа» [13, с. 286].

Дальше в этом направлении идти было некуда, и на этом завершилось развитие русского романа (1825–1880). С 1880-х гг. заканчивается главенство романа, и тон начинает задавать новое поколение писателей: Короленко, Гаршин, Чехов, а следом за ними: Бунин, ранний Горький, Куприн, все – авторы рассказов и повестей.

Определяющими фигурами новой эпохи были Чехов и Бунин, так как именно им было суждено сказать новое слово в литературе.

Характерно, что Чехов, несмотря на все усилия, так и не смог написать роман, хотя придавал ему решающее для своей писательской судьбы значение, а Бунин создал роман уже в XX в., далекий от традиционного: без завязки, кульминации и развязки, то есть бессюжетный, «Жизнь Арсеньева». Чехов и Бунин продолжили традиции своих великих предшественников, но их связь с ними осуществлялась и через полемику, а не только благодаря преемственности.

Герои Чехова страдают от потери смысла жизни, у них, как и у «лишних людей», нет сверхличной ценности (прогресса, Родины, Бога), но они не «лишние» и не «эгоисты», а потерянные в непонятном мире, для них характерно не противоречие со средой, а разрыв коммуникации, взаимное непонимание даже близких.

На первый взгляд представляется, что творчество Чехова – это снижение по сравнению с достижениями Толстого и Достоевского, как будто он вернулся к тому, с чего начался русский роман. На самом деле он вносит нечто совершенно новое, неизвестный до него аспект изображения человека – «общее чувство жизни» (А.П. Скафтымов), и жизнь, как она проходит у человека на земле, становится главным предметом его художественной мысли. При этом он сохраняет связь с классическим романом XIX в. в убеждении необходимости для полноценной жизни «общей идеи, Бога, живого человека».

Более подробно сказать о достижениях Чехова и Бунина в данной статье не представляется возможным. Об этом говорится в нашем учебнике по истории русской литературы [7].

Библиографический список

1. *Белинский В.Г.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М., 1948.
2. *Белинский В.Г.* Избранные философские сочинения. М., 1941.
3. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод / пер. с нем. М., 1988.
4. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Л., 1972–1990.
5. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. Т. 23. М., 1973.
6. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М., 1958.
7. *Линков В.Я.* История русской литературы (вторая половина XIX века). М., 2019.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: В 50 т. 2-е изд. Т. 3. М., 1955.
9. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: В 10 т. М., 1977.
10. *Сорокин П.* Социология революции. М., 2008.
11. *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений: В 22 т. Т. 7. М., 1981.
12. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 9. М., 1982.
13. *Фейербах Л.* Сочинения / пер. с нем. Т. 2. М.; Л., 1926.
14. *Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность / пер. с англ. М., 1992.
15. *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 11. М., 1939.
16. *Ясперс К.* Введение в философию. Минск, 2000.

References

1. Belinsky V.G. *Sobranie sochinenij v 3 t.* [Collected works in 3 vols.]. Vol. 3. Moscow, 1948.
2. Belinsky V.G. *Izbrannyye filosofskie sochineniya* [Selected philosophical works]. Moscow, 1941.
3. Gadamer Kh.-G. *Istina i metod.* [Truth and method]. Trans. from German. Moscow, 1988.
4. Dostoevsky F.M. *Polnoye sobranie sochinenij i pisem v 30 t.* [Complete collected works and letters in 30 vols.]. Leningrad, 1972–1990.

5. Lenin V.I. Polnoye sobranie sochinenij. V 55 t. [Complete collection of works in 55 vols.]. 5th ed. Vol. 23. Moscow, 1973.
6. Lermontov M.Yu. Sobranie sochinenij. V 4 t. [Collected works in 4 vols.]. Vol. 4. Moscow, 1958.
7. Linkov V.Ya. Istoriya russkoj literatury (vtoraya polovina XIX veka) [History of Russian literature (the second half of the XIX century)]. Moscow, 2019.
8. Marks K., Ehngels F. Sochineniya: V 50 t. [Essays in 50 vols.]. 2nd ed. Vol. 3. Moscow, 1955.
9. Pushkin A.S. Sobranie sochinenij. V 10 t. [Collected works in 10 vols.]. Moscow, 1977.
10. Sorokin P. Sociologiya revolyucii [Sociology of revolution]. Moscow, 2008.
11. Tolstoy L.N. Sobranie sochinenij. V 22 t. [Collected works in 22 vols.]. Moscow, 1981.
12. Turgenev I.S. Polnoye sobranie sochinenij. V 30 t. [Complete collected works in 30 vols.]. Vol. 9. Moscow, 1982.
13. Feuerbach L. Sochineniya [Works]. Trans. from German. Vol. 2. Moscow, Leningrad, 1926.
14. Hayek F.A. Pagubnaya samonadeyannost [The fatal conceit]. Trans. from English. Moscow, 1992.
15. Chernyshevsky N.G. Polnoye sobranie sochinenij. V 15 t. [Complete collected works in 15 vols.]. Vol. 11. Moscow, 1939.
16. Yaspers K. Vvedenie v filosofiyu [Introduction to philosophy]. Minsk, 2000.

Статья поступила в редакцию 10.03.2022, принята к публикации 15.05.2022
The article was received on 10.03.2022, accepted for publication 15.05.2022

Сведения об авторе / About the author

Линков Владимир Яковлевич – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Vladimir Ya. Linkov – ScD in Philology, Full Professor; Professor at the Department of History of Russian Literature and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University

E-mail: yanali2@yandex.ru